

ПЕРМСКОЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1920-30-Е ГГ.

Кочеров А.А., *Институт гуманитарных исследований УрО РАН, г. Пермь*

В статье рассматривается история создания и деятельности Пермского этнографического общества (ПЭО) на фоне ключевых процессов в советской науке и политике 1920-1930-х годов. Показаны истоки организации, восходящие к дореволюционному «Кружку по изучению Северного края» (КИСК), и её институционализация в 1929 г. Раскрывается роль П.С. Богословского, выступившего инициатором преобразования кружка. В статье доказывается, что возникновение ПЭО стало частью общероссийского тренда на институционализацию этнологии, кульминацией которого стало открытие этнологического факультета в МГУ (1925). На основе архивных материалов и опубликованных источников реконструируется структура ПЭО, его комиссий, издательская и экспедиционная деятельность, идеологическая адаптация.

Ключевые слова: *Пермское этнографическое общество, Кружок по изучению Северного края, П.С. Богословский, А.Н. Грен, краеведение, этнография, фольклор, Пермский университет, Урал*

Введение

1920-е годы вошли в историю отечественной науки как «золотое десятилетие» краеведения – период бурного роста местных научных обществ, музеев и исследовательских инициатив [1]. Однако этот термин требует известной осторожности. При всей активизации краеведческого движения, уже во второй половине 1920-х годов нарастало давление власти: от краеведов требовали сдавать находки для продажи за границу, а к концу десятилетия начались систематические преследования учёных-гуманитариев, что ознаменовало переход от относительной свободы к жёсткому идеологическому контролю [2]. Таким образом, «золотое десятилетие» было временем относительной, но не абсолютной свободы, и конец 1920-х годов стал периодом, когда краеведческая работа оказалась под ударом.

После окончания Гражданской войны советская власть, взявшая курс на восстановление и индустриализацию страны, была жизненно заинтересована в практическом изучении её природных и людских ресурсов. Поддержка местных научных инициатив стала важной составляющей новой культурной политики, но при одном условии – они должны были служить интересам государства. Выступая на I Всероссийской конференции научных обществ в 1927 г., нарком просвещения А.В. Луначарский сформулировал эту задачу предельно откровенно: «Научные общества должны стать нашими боевыми помощниками в деле социалистического строительства» [1].

Центральным органом координации этого движения стало Центральное бюро краеведения (ЦБК), созданное при Академии наук СССР в январе 1922 г. С 1925 г. оно перешло в ведение Наркомпроса. Возглавил его выдающийся востоковед академик, С.Ф. Ольденбург, что свидетельствовало о высоком статусе, придаваемом этой деятельности [3]. Количество краеведческих организаций росло стремительно: если

к 1927 г. их насчитывалось 1112, то к концу десятилетия – около 2000 [1]. Именно в этот период, на волне общегосударственного интереса к изучению регионов и на основе дореволюционных традиций краеведения было создано в Перми Этнографическое общество.

В контексте данной статьи необходимо разграничить понятия этнологии и краеведения. Этнология (этнография) – это теоретическая наука, изучающая общие закономерности и различия в жизни разных этносов, их происхождение, расселение, культурные особенности и логику развития. Краеведение – это область гуманитарного знания, занимающаяся комплексным изучением природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории. В этнологии действует преимущественно научный подход, в краеведении сочетаются научные и ненаучные подходы. Преследованиям и практически полному уничтожению в начале 1930-х годов подверглось именно краеведение как сфера, где могли действовать люди, не входящие в государственные структуры и объединяющиеся самостоятельно, что представляло опасность для тоталитарного государства. Этнология же как академическая наука сохранялась, хотя и в жёстких идеологических рамках.

От «Кружка по изучению Северного края» к Этнографическому обществу

Официальной датой основания Научного этнографического общества при Пермском государственном университете (ПЭО) считается 19 декабря 1929 г., когда его устав был «утвержден и само оно было зарегистрировано в Пермском Адмотделе Окрика» [4]. Однако его корни, как справедливо отмечал основатель общества П.С. Богословский, уходили значительно глубже – к осени 1916 г., ко времени организации научного «Кружка по изучению Северного края» (КИСК) при Пермском университете [4]. Создание ПЭО было не столько результатом государственного заказа, сколько продолжением дореволюционной традиции общественной инициативы в науке. Советская власть скорее стимулировала поиск компромиссов и вынужденных соглашений с властью, но не была единственным и главным инициатором создания таких обществ.

Ключевой фигурой, связавшей дореволюционные традиции краеведения с новыми советскими реалиями, стал Павел Степанович Богословский (1890–1966). Окончив Пермскую духовную семинарию и Петербургский историко-филологический институт, он вернулся в Пермь и с 1917 г. был зачислен профессорским стипендиатом по кафедре русского языка и словесности в только что открывшийся университет [5]. Он быстро стал одним из лидеров местной научной интеллигенции.

Вместе со своими наставниками – профессором-медиевистом А.П. Кадлубовским и библиотекарем И.Г. Раевым – Богословский участвовал в фольклорно-этнографической экспедиции 1917 г. по Каме и Вишере, которая стала образцом комплексного подхода к изучению края. В Чердыни, благодаря помощи купцов Алиных, была с потрясающей достоверностью воссоздана народная свадьба. Богословский писал об этом с восхищением: «Мы получили возможность наблюдать и записать замечательную картину – чердынскую свадьбу... Арсений Петрович прямо ликовал» [5]. К сожалению, эти уникальные материалы были утрачены в годы Гражданской войны, и учёный впоследствии с горечью констатировал: «...последующие после поездки в 1917 году политические события разбросали собранные нами научные материалы... Серьёзная, очень тяжелая утрата для науки!» [5]. Тем не менее, заложенная

методика и комплексный подход были в полной мере реализованы уже в деятельности Кружка и созданного на его основе Этнографического общества.

К концу 1920-х гг. формат узкоспециализированного кружка был признан не соответствующим масштабу задач. В записке от 26 октября 1929 г., направленной проректору Пермского университета, Богословский обосновывал необходимость преобразования, подчёркивая, что Урал и Прикамье нуждаются «в планомерном и научном обследовании» и что необходимо создать при университете «научно-этнографический центр» [6]. Таким образом, 19 декабря 1929 г. КИСК был преобразован в Научное Этнографическое Общество при Пермском университете (ПЭО) [4]. Уже 27 декабря начало работу временное бюро, а 15 января 1930 г. на общем собрании было избрано постоянное Правление во главе с председателем П.С. Богословским. В состав правления также вошли ректор университета С.А. Стойчев (заместитель П.С. Богословского), А.П. Стеблев (учёный секретарь) и студенты, что подчеркивало курс на вовлечение молодежи [4].

Общесоюзный тренд и место ПЭО в системе координат

Создание ПЭО было не изолированным локальным событием, а частью общероссийского процесса становления этнологии как полноценной академической дисциплины. Кульминацией этого процесса в столице стало создание в Московском университете в апреле 1925 г. самостоятельного этнологического факультета [7]. Решение о его организации было принято Народным комиссариатом просвещения РСФСР, а 17 апреля 1925 г. вышло постановление СНК, объявившее этнологический факультет преемником упразднённого историко-филологического факультета. Перед новым факультетом ставилась амбициозная задача по подготовке «работников в области культурного строительства народов СССР» [7]. Первый набор в мае 1925 г. составил 160 человек, а в структуру факультета вошли четыре отделения: историко-археологическое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств [8].

Создание столь крупного специализированного подразделения в ведущем вузе страны наглядно демонстрирует высокий статус этнологии в середине 1920-х годов и её востребованность в решении государственных задач культурного строительства. Заметим, что это движение затронуло и другие регионы. На Урале, в Свердловске, в 1924 г. было создано Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, имевшее этнографическую секцию [9]. Активно работало и Общество изучения Коми края, созданное в Усть-Сысольске 16 мая 1922 г. по инициативе видного этнографа А.Н. Грена, будущего члена ПЭО [10].

Сравнивая ПЭО с этими центрами, следует отметить, что по своим организационным принципам оно было ближе к уральскому обществу в Свердловске, также являвшемуся региональным объединением, а не центральным академическим институтом. Однако ПЭО отличала более узкая этнографическая специализация, в то время как свердловское общество носило комплексный краеведческий характер. Что касается масштабов, то ПЭО уступало столичному этнологическому факультету, но играло ключевую роль как координатор этнографических исследований на Среднем Урале. В этом ключе создание этнографического общества в Перми и открытие этнологического факультета в МГУ были звеньями одной цепи – процесса институционализации и централизации гуманитарной науки в СССР, при этом ПЭО сохраняло преемственность с дореволюционной краеведческой традицией.

Организационная структура, научная и просветительская работа ПЭО

К лету 1930 г. в ПЭО состояло 75 человек. Для организации системной работы было создано несколько специализированных комиссий, что демонстрирует высокий уровень профессионализма его членов.

Фольклорная комиссия (руководитель П.С. Богословский) делала ставку на коллективность и плановость: «основная работа проводится по бригадам» [4]. Уникальной чертой стала тесная связь с учебным процессом: задания на каникулы получили 118 студентов [4].

Диалектологическая комиссия (руководитель профессор А.В. Миртов) взяла на себя проект создания «областного уральского словаря». Для этого была издана и распространена специальная анкета тиражом 2000 экземпляров [4]. В состав комиссии входили В.Н. Серебренников, доцент Л.П. Лобов, П.С. Богословский, Е.П. Аликин (крестьянин-краевед), И.Г. Остроумов (служащий, краевед), А.П. Стеблев, студентка Ильинская и др. [4]. Валентин Николаевич Серебренников, этнограф-собираатель, передал в комиссию «лично собранные за 28 лет (с 1902 по 1930 г.) материалы по говорам бывшего Оханского уезда» [4]. П.С. Богословский передал полученный им в 1925 г. от уральского краеведа В.П. Бирюкова большой рукописный словарь шадринских говоров [4].

Музыкально-этнографическая комиссия (руководитель А.А. Луканин, заведующий музыкальным педагогическим техникумом) была одной из самых активных. Её деятельность включала как полевой сбор и изучение народной музыки, так и обязательную просветительскую работу. Уже к лету 1930 г. комиссия подготовила к изданию «сборник песен Пермского края из 25 номеров», составленный из записей Тезавровского, Некрасова, Истомина, Будрина, Вологодского в обработке Гречанинова, Некрасова, Лядова, Тезавровского, Лобачева и Луканина [4]. В.А. Бибичева составила список музыкально-этнографических сборников для комплектования библиотеки, Д.В. Смирницкий начал работу по составлению музыкально-этнографической библиографии [4].

Угро-финская комиссия (руководитель профессор-ориенталист Алексей Николаевич Грен) сосредоточилась на комплексном изучении финно-угорских народов Урала и Поволжья. План её работ был чрезвычайно широк – от определения прародин уgro-финнов до анализа современной литературы этих народов [4]. В мае 1930 г. в состав комиссии вошла «Историко-колониционная комиссия» (проф. А.А. Савич, А.П. Пьянков), что усилило исторический аспект исследований.

Комиссия по изучению театрального быта и народного театра (организатор – театральный деятель Андрей Иванович Чайкин) к лету 1930 г. ещё не была окончательно оформлена, но уже провела совместно с Литературно-Театральным музеем вечер памяти В.В. Маяковского [4]. Из отчета А.И. Чайкина: «11 июля театральной комиссией Этнографического общества, совместно с Литературно-театральным музеем Пермского Университета, был организован и проведен в Клубе ученых вечер памяти В.В. Маяковского...» [11].

Секция по изучению быта, языка и творчества детей (руководитель – доктор-педиатр П.И. Ильинский) отражала новаторский социально-гигиенический подход. Она разработала подробнейшую программу изучения быта детей в 22 типах учреждений – от детских садов до учреждений для малолетних преступников [4].

Наиболее ярким примером практической деятельности ПЭО стала Коми-Печорская экспедиция 1930 г. Из-за катастрофической нехватки средств в поездку отправились лишь двое – В.Н. Серебренников и Г.И. Марков, получивший «весьма скромную командировочную... сумму – 125 рублей» [12]. Это ярко иллюстрирует проблему, описанную в отчёте: «Пермское Этнографическое Общество приступило к своей деятельности без средств, мало того... с долгами» [4]. Несмотря на это, экспедиция оказалась уникальной. Г.И. Марков, «не имея при себе фонографа... вынужден был использовать привычный для него способ записи напевов на слух», но его полевой дневник содержал 19 образцов песен, а также уникальную народную драму «Шайка разбоев» от 101-летнего сказителя Самойлы Пыстина [12]. Собранные материалы, по-видимому, не были опубликованы отдельно, однако вошли в состав отчётных документов и частично использованы в публикациях Г.Н. Мехнецовой [12], что позволяет говорить об их сохранности в архивных фондах.

Параллельно с экспедиционной работой ПЭО вело активную просветительскую деятельность. Этнографические концерты 13 и 27 июня 1930 г. представляли собой синтез науки и искусства. Концерту «предшествовало слово проф. А.В. Миртова и доклад А.А. Луканина. Исполнение сопровождалось комментариями» [4]. Всего за первое полугодие было проведено 59 докладов и 6 публичных выступлений [4].

Финансовая несамостоятельность и идеологическая адаптация

ПЭО, будучи формально независимой организацией, на деле полностью зависело от государственного финансирования. Анализ финансовой документации других краеведческих обществ, например Курского, выявляет общую для всей страны тенденцию. Членские взносы составляли мизерную долю бюджета (в 1927 г. – 12,4%, а в 1928-1929 гг. – всего 0,8% от доходов), и основным источником существования были государственные субсидии [1]. Подобная ситуация, естественно, ставила краеведов в полную зависимость от идеологического заказа.

Деятельность ПЭО сознательно выстраивалась в соответствии с этим заказом. В устанавочных докладах Богословского были сформулированы принципы: плановость и связь с социалистическим строительством, обобществление и массовость [4]. Общество открыто заявило о готовности к социалистическому соревнованию с другими научными объединениями Перми [4]. Этот публичный пафос был не просто данью времени, а вынужденной стратегией легитимации гуманитарного знания. Показательно звучит тезис отчета: «Не следует забывать и об основной производительной силе... именно человеку» [4].

Закат общества

Расцвет ПЭО оказался недолгим. В начале 1930-х гг. политический курс СССР кардинально изменился. «Золотое десятилетие» поддержки национальных культур и краеведения завершилось [13], произошел глубинный идеологический перелом, сделавший этнологию «политически вредной» наукой. Этнология оказалась «вредной» по нескольким причинам: она по определению изучала культурную «инаковость», а в новой парадигме акцент на различиях расценивался как сепаратизм; её материал демонстрировал устойчивость национальных традиций, что противоречило официальному тезису о скором слиянии всех культур в единую социалистическую.

Административные последствия не заставили себя ждать. В 1930 г. был ликвидирован этнологический факультет МГУ, просуществовавший всего пять лет; вскоре закрылось этнографическое отделение в ЛГУ [7; 14]. Высшее этнографическое образование в стране фактически прекратилось на восемь лет. Этнографию свели к роли вспомогательной исторической дисциплины, а любые самостоятельные общественные организации, подобные ПЭО, попали под подозрение.

На этом фоне судьба Пермского этнографического общества была предрешена. В 1932 г. П.С. Богословский вынужденно покинул Пермь, а в 1935 г. был арестован по статье 58 и до 1940 г. находился в КарЛАГе [5]. Профессор А.Н. Грен, один из ведущих членов Угро-финской комиссии, скончался в 1932 г. [15]. Имеются сведения и о преследованиях других членов общества: В.Н. Серебренников, передавший в комиссию свои 28-летние записи, также подвергся репрессиям (его имя фигурирует в следственных делах 1930-х годов). Документов о формальном закрытии ПЭО пока не обнаружено, однако после 1930 г. его деятельность в доступных источниках не прослеживается. Общество разделило судьбу большинства краеведческих и этнографических объединений страны, став жертвой новых идеологических установок.

Заключение

Пермское этнографическое общество стало ярким эпизодом в истории региона 1920-30-х гг. Оно выросло из дореволюционной традиции краеведения, но было вынуждено адаптироваться к советским реалиям. ПЭО успешно институционализировалось, создав разветвлённую структуру и проведя уникальные полевые исследования, опираясь на детально разработанные методики, примеры которых демонстрируют высокий профессиональный уровень его членов. Однако именно то, что ПЭО было самостоятельным общественным объединением, а не государственным учреждением, предопределило его судьбу в условиях ужесточения идеологического контроля. Разгром краеведения и сужение поля для этнологии сделали невозможным существование подобных обществ на местах.

Библиографический список

1. *Листопад К.А.* Краеведение, власть, сметы: анализ финансовой документации краеведческих организаций в 1920–1930 гг. через призму советской идеологии (на примере Курской губернии) // *Экономическая история*. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 26–33.
2. *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. – 1993. – № 3. – С. 52–68.
3. *Гладышев В.Ф.* В списке разыскиваемых (о поисках могилы учёного-географа И.Я. Кривощёкова) // *I Кривощёковские историко-архивные чтения : сборник материалов научной конференции (28 марта 2019 г., г. Кудымкар)*. – Кудымкар, 2019. – С. 38–48.
4. *Богословский П.С.* Научное Этнографическое Общество при Пермском Государственном Университете: структура, состав, план работы и предварительные краткие отчетные данные о деятельности пермского этнографического общества за первое полугодие его существования (январь–июль 1930 г.), с приложением устава общества / П. С. Богословский. – Пермь : Тип. изд-ва «Звезда», 1930. – 33 с.
5. *Николаева Н.Л.* Воспоминания П.С. Богословского о создании Пермского университета и экспедиции 1917 года // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год*. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 409–427.
6. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 173.

7. *Казьмина О.Е.* Кафедра этнологии – место науки и романтизма // *Этнографическое обозрение*. – 2023. – № 3. – С. 54–71.
8. Этнологический факультет Московского университета: страницы истории // *Вестник исторического факультета МГУ*. – 2021. – № 2 (29). – С. 15–28.
9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-973. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.
10. *Жеребцов И.Л., Попов А.А.* А.Н. Грен и Общество изучения Коми края. Материалы к III Международным Иналиповским чтениям (Сухум, 4–6 октября 2016 г.). – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 24 с.
11. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 31.
12. *Мехнецова Г.Н.* Музыкально-этнографическая экспедиция пермского Научного этнографического общества на Печору в 1930 году // *Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей : сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 27–30 сентября 2014 г.)*. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 3–19.
13. *Каменских М.С.* «Русский поворот» в национальной политике СССР начала 1930-х годов: оценки отечественной и зарубежной историографии // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН*. – 2019. – № 4. – С. 93–97.
14. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965: обзор архивных документов. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 66–67.
15. Грен Алексей Николаевич (1862–1932) // Профессора Пермского государственного университета : биографический справочник. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. – С. 57–58.

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках Государственного задания №126071523331-6 «Русские в регионах УрФО: полевые и стационарные исследования (2026–2028 гг.)».

Для цитирования:

Кочеров А.А. Пермское этнографическое общество в 1920-30 е гг. // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. – 2026. – № 3. – С. 137–144. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2026.3.10>

Сведения об авторе:

Кочеров Андрей Алексеевич, стажер-исследователь, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614013, г. Пермь, ул. Генкеля, д. 4; e-mail: kocherov.a.andrey@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-2974-3794

PERM ETHNOGRAPHIC SOCIETY IN THE 1920s–1930s

Kocherov A.A.

Institute of Humanitarian Studies UB RAS, Perm

The article examines the history of the foundation and activities of the Perm Ethnographic Society (PES) against the backdrop of key processes in Soviet science and politics of the 1920s–1930s. The origins of the organization, which go back to the pre-revolutionary «Circle for the Study of the Northern Region» (CSNR), and its institutionalization in 1929 are shown. The role of P. S. Bogoslovsky, who initiated the transformation of the circle into a society and became its chairman, is highlighted in the article. It argues that the emergence of the PES became part of an all-Russian trend towards the institutionalization of ethnology, culminating in the establishment of the Faculty of Ethnology at Moscow State University (1925). Based on archival materials and published sources, the structure of the PES and its commissions, its publishing and expeditionary activities, and its ideological adaptation are reconstructed.

Keywords: *Perm Ethnographic Society, Circle for the Study of the Northern Region, P.S. Bogoslovsky, A.N. Gren, local history, ethnography, folklore, Perm University, Urals*

Поступила в редакцию: 29.06.2026

Принята к публикации: 16.07.2026